

РЕЦЕНЗИИ

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВАГАНОВ

ответственный редактор приложения «НГ-наука»
«Независимой газеты»,
Москва, Россия;
e-mail: andrewvag@gmail.com

Негосударственное высшее образование в Российской империи в поисках легитимности

**Рецензия на книгу: Фандо Р.А. Народные университеты Российской империи: от популяризации к организации науки.
М.: Янус-К, 2020. 344 с., илл.**

УДК: 378.095

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14013

В рецензируемой монографии Р.А. Фандо досконально реконструирована история четырех ведущих народных университетов Российской империи — в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и Томске. Один из самых важных сюжетов книги — борьба за институализацию, за официальное признание этой формы образовательной деятельности. Во многом «социально-экономические ножницы» между бурным промышленным развитием России в конце XIX — начале XX в. и острым дефицитом кадрового обеспечения этого роста определили рождение и бурное развитие такого феномена, как народные университеты, а если говорить шире — негосударственного высшего образования в России. В лучших своих проявлениях народные университеты были именно образовательными учреждениями высшего образования. Об этом свидетельствует фундаментальность программ народных университетов. Прежде всего это относится к университету Шаняевского. Не менее интересно оказалось проследить, как традиции народных университетов отразились в деятельности советской высшей школы. Тем более это становится актуальным, что в последние несколько лет в Российской Федерации наметилась обратная тенденция — массовое закрытие частных вузов.

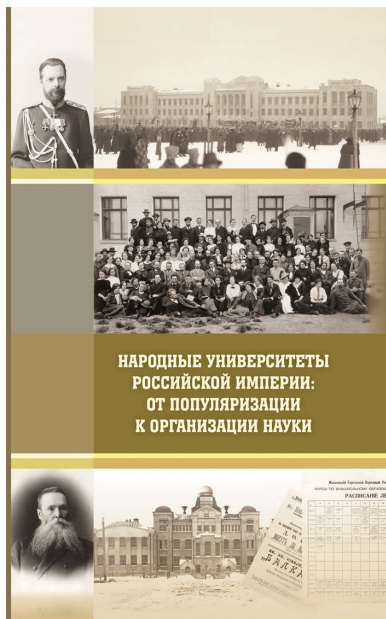
Ключевые слова: Народный университет, негосударственное высшее образование, популяризация науки, социология университетов, А.Л. Шаняевский, П.И. Макушин, Л.И. Лутугин.

Монография кандидата биологических наук, заместителя директора по науке Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Романа Алексеевича Фандо продолжает его предыдущую работу, посвященную Московскому городскому народному университету (МГНУ) — университету им. А.Л. Шанявского¹. По существу, этот исследовательский проект и надо рассматривать как полноценный академический двухтомник. Но от книги об университете А.Л. Шанявского новая отличается существенно. Фактически впервые в систематическом виде представлена история и социальная динамика самого движения народных университетов в России: кроме МГНУ в монографии подробно рассмотрено становление Томского городского народного университета им. П.И. Макушина, Нижегородского городского народного университета и народного университета им. Л.И. Лутугина (Петроград). Не менее интересно оказалось проследить, как традиции народных университетов «проросли» в советской высшей школе и в эмиграции.

Итак, монография посвящена изучению истории негосударственного высшего образования Российской империи. «Проведенное исследование позволяет реконструировать организацию популяризационной работы, а также формирование института науки в народных университетах. Надеемся, что предлагаемая книга позволит заполнить один из пробелов отечественной истории позднеимперской эпохи, когда происходили глобальные трансформационные процессы, определившие ход развития России на протяжении всего XX века» (с. 10).

В такой постановке автором цели и задач исследования нет никакого преувеличения. Обратим внимание, на каком социально-экономическом фоне проходил процесс рождения и распространения народных университетов в России в тот период.

В период с 1881 по 1896 г. объем промышленного производства в России увеличился в 6,5 раза при росте численности рабочих в 5,1 раза; количество фабрик за эти 15 лет возросло на 7 228, а выработка на одного рабочего — на 22%². С 1890 по 1900 г. мощность паровых двигателей в промышленности России увеличилась с 125,1 тыс. л. с. до 1294,5 тыс. л. с. — на 300%³! Российская империя буквально содрогалась от тяжелой поступи промышленного прогресса: сейсмическая станция в Риге фиксировала двухбалльное землетрясение, когда в Петербурге на Ижорском заводе,

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ОТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
К ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ

¹ Фандо Р.А. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох / Под общ. ред. Е.Б. Музруковой. Москва: Акварель, 2018. 324 с.

² Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 144—145.

³ Козлов Б.И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР (Очерк социальной истории. 1925—1963). М.: Academia, 2003. С. 36.

втором в Европе по мощности после крупновского в Германии, пресс усилием в 10 тыс. тонн гнул броневые листы⁴. (Впрочем, не надо и преувеличивать абсолютные значения показателей этого роста: в 1908 г. суммарная мощность паровых двигателей в одной только Франции была в 15 раз больше, чем в России⁵.)

Как бы там ни было, но динамика роста русской промышленности была действительно беспрецедентной. В период 1870–1895 гг. по темпам развития тяжелой промышленности Россия занимала первое место в мире. За десятилетие с 1886 по 1896 г. выплавка чугуна в стране утроилась (США понадобилось 23 года, чтобы добиться такого прироста, Англии — 22 года, Франции — 28 лет, Германии — 12 лет). Добыча нефти за 25 лет (1870–1895) возросла в 226 раз!⁶

В 1900 г. из всех существовавших на тот момент предприятий России 40% было основано в последнее десятилетие XIX в. За десять лет (1890–1900) было проложено свыше 21 тыс. верст новых железнодорожных путей — почти столько же, сколько за все время с момента отмены крепостного права в 1861 г. Потребности одной только Транссибирской магистрали протяженностью более 6 тыс. верст потребовали увеличения продукции отечественной металлургии почти в два раза⁷.

Такое мощное промышленное развитие просто не могло уже обходиться без соответствующего кадрового обеспечения. А вот с этим в стране были большие проблемы.

Известный русский экономист, профессор Московского университета И.Х. Озеров (1869–1942) в 1907 г. отмечал: «На Восточно-Китайскую дорогу мы бросили около 400 миллион. р. да ежегодно должны платить по ее облигациям и покрывать дефицит от ее эксплуатации около 31–32 миллион. р. в год, между тем как на начальное народное образование (включая и городские училища) государственное казначейство тратит у нас около 13,5 миллион. руб., т. е. по Восточно-Китайской жел. дороге расходы в 2,5 раза больше, чем на начальное народное образование»⁸.

Выдающийся русский книговед Н.А. Рубакин в 1895 г. отмечал: «Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них <в России> вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса»⁹.

Во многом эти «социально-экономические ножницы» и определили рождение и бурное развитие такого феномена, как народные университеты, а если говорить шире — негосударственного высшего образования в России. «Массовые волнения в студенческой среде, произошедшие в 1905 г., активизировали работу правительства в направлении реформирования высшего образования. 18 (31) октября 1905 г. ми-

⁴ Лавин В.В. Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 139.

⁵ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. С. 38 (Военные тайны России).

⁶ Фомотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. С. 118.

⁷ Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. 1789–1917 / Под ред. В.А. Быстрянского, М; Л.: Соцэкгиз, 1939. С. 43.

⁸ Озеров Ив. На борьбу с народной тьмой! М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. С. 26.

⁹ Рубакин Н.А. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 82–84.

нистром народного просвещения был назначен И.И. Толстой, который стал инициатором разработки проекта нового <университетского> устава. Для обсуждения его создавались коллегии, в которые входили ректоры и ведущие профессора. Очередная версия устава снимала все запреты на получение высшего образования по половым, национальным, религиозным и сословным признакам и давала автономию университетским советам. Естественно, что в период массового студенческого антиправительственного движения данный законопроект не был принят, а либеральный подход к разработке уставов стал катализатором дальнейшей демократизации российского образования. <...>

В 1905–1907 гг. популярность частного образования снова возросла, к функционирующим до того времени 14 негосударственным, вузам прибавилось еще 36. За 1908–1913 гг. — к ним присоединилось еще 26, при этом половина из них — только в течение 1908–1909 гг. С 1914 по 1917 г. в этот список еще добавилось 12 неправительственных высших учебных заведений» (с. 58). Для сравнения: «...за период с 1899 по 1917 гг. в России были открыты <...> только 7 государственных <вузов>» (с. 19). Закономерен и вывод автора: «...негосударственное образование в 1900–1917 гг. по темпам роста и возросшему интересу со стороны населения стало опережать систему правительственного высшего образования» (с. 16).

Здесь важно отметить источниковедческую часть работы Р.А. Фандо. «В научный оборот впервые введены материалы различных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук, Центрального государственного архива г. Москвы, отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Государственного архива Томской области, Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета» (с. 10). Возможно, первый раз за столетие потревоженные архивы, раритетные издания, еще более редкая периодика — все это создает при чтении книги, помимо фундаментальной документированной картины эпохи, то, что называется «аромат эпохи». Впрочем, не только аромат, но и визуальный ряд. «Особым, крайне редко встречающимся в исторических исследованиях, источником стали карикатуры на политических деятелей, принимавших участие в обсуждении вопросов народного высшего образования, преподавателей и студентов негосударственных вузов. Например, изучение карикатуры “Просвещенная атака против науки в Государственной Думе” позволило описать некоторые детали обсуждения проекта положения МГНУ» (с. 39).

Пересказывать, даже в форме синопсиса, досконально реконструированную Р.А. Фандо историю четырех ведущих народных университетов Российской империи не имеет смысла. (О детализовке такой реконструкции говорит, например, такой факт: в книге приведены даже цены на обеды в столовой университета им. А.Л. Шанявского.) Но главное — «В работе изучена история появления и функционирования в начале XX в. народных университетов в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и Томске. Выбор данных учебных заведений не случаен и продиктован следующими соображениями: расположение в различных регионах Российской Империи, отличающихся по численности и социальному составу населения, ведущим отраслям экономики; рассматриваемые учреждения ориентировались на классические университеты, имели достаточно постоянный состав слушателей, профессорско-преподавательский штат, утвержденные программы курсов; основным видом их деятельности являлось образование, но также присутствовали и дру-

гие формы работы — издательская, библиотечная, выставочная, музейная, просветительская» (с. 6).

Избранный автором синтетический, междисциплинарный подход к изучаемому явлению сам по себе чрезвычайно эвристичен. «В данном исследовании проведена попытка рассмотреть просветительскую и научную деятельность народных университетов с учетом экономических, политических и культурологических факторов развития знаний и их передачи. Учебная и научная составляющие большинства университетов изучаемого периода были взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, поэтому в книге им уделено особое место» (с. 31).

И в связи с этим, несомненно, представляет интерес прослеженная автором борьба за то, какой статус предпочитали негосударственные образовательные учреждения — частные общеобразовательные курсы, воскресные школы, народные университеты, вольные школы... «Ряд исследований, посвященных истории народных университетов, объединяет различные виды учебных заведений — и самостоятельных вузов, созданных наподобие императорских университетов, и общественных организаций, преследующих в основном просветительские цели» (с. 28);

«Н.Я. Климочкина расширила само понятие “народный университет”, отнеся сюда самые различные формы внешкольного образования для взрослых: рабочие, трудовые, крестьянские, воскресные школы, которые являлись лекториями, без постоянного состава слушателей»;

«Более достоверное определение народных университетов, как просветительских комплексов, объединявших в единую структуру высшую (академическое отделение), среднюю (научно-популярное отделение) и многоотраслевую профессиональную школы, дал А.Е. Иванов» (с. 29);

«Кроме вузов, которые назывались “народными университетами” (Московский, Томский и Нижегородский народные университеты), существовала иная форма научно-популярного образования, также именуемая “народными университетами”, но больше напоминающая научно-популярные лектории. Для того чтобы избежать путаницы — первые из них часто в обиходе стали именовать “вольными школами”, а за вторыми закрепилось первоначальное название» (с. 56)...

И это была не просто борьба за нарратив. Р.А. Фандо показывает, что в лучших своих проявлениях народные университеты были именно образовательными учреждениями высшего образования (по крайней мере, стремились к этому статусу). Логичным продолжением этой линии становилось развитие собственных научных исследований. В первую очередь это касается университета им. А.Л. Шанявского. Один из профессоров университета, выдающийся русский химик А.Е. Чичибабин, видел важнейшее предназначение высшей школы именно в подготовке научных кадров. «Чем больше людей, занимающихся наукой, выходит из учебного заведения, тем более полезных деятелей, даже в чисто практической жизни дает оно; и наоборот, учебное заведение, не дающее деятелей чистой науки, не заслуживает названия высшего учебного заведения: это, в лучшем случае, хорошая школа ремесленников, способных исполнять заданное им дело, но не способных его усовершенствовать» (с. 202).

В меньшей степени это относилось к Нижегородскому городскому народному университету (хотя, надо отметить, что именно он стал предшественником Нижегородского государственного университета, ныне — «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»)

и народному университету им. Л.И. Лутугина (Петроград). История же создания Томского городского народного университета им. П.И. Макушина была долгой — с 1905 г. начались хлопоты благотворителя Петра Ивановича Макушина о его создании. И только 9 января 1916 г. министром П.Н. Игнатьевым был утвержден Устав первого в Сибири народного университета. Но работа университета в связи с Первой мировой войной и последовавшей далее Октябрьской революцией носила эпизодический характер. В 1919 г. университет закрыли. Фактически больше он не возобновлял работу. Петр Иванович Макушин скончался 4 июня 1926 г. В своем предсмертном письме он просил похоронить его рядом с университетом, без участия духовенства, а на могиле вместо памятника установить рельсу с укрепленным наверху электрическим фонарем.

По аналогии с университетом Шанявского в Москве Томский народный университет должен был иметь два отделения: научно-популярное и академическое. И это очень интересный сюжет: насколько можно популяризировать (сделать народными, доступными для непрофессиональной публики) фундаментальные научные знания. «Популярные книги никогда научить не могут», — вынес свой приговор в середине XIX в. Майкл Фарадей. В общем-то, о том же самом говорил, уже в XXI в., и выдающийся российский математик, академик Людвиг Фаддеев: «Нужно популяризировать те области науки, которые уже полностью понятны. Фундаментальная наука всегда элитарна». Известный отечественный научный писатель Даниил Данин очень четко выразил эту парадоксальную мысль: «Когда итоги науки доступны всякому любопытствующему, как это часто бывает в искусствоведении, популяризация и не нужна. Когда недоступны, как это еще чаще случается в естествознании, популяризация необходима. Но почти невозможна»¹⁰.

Создатели народных университетов в начале XX в. в России предлагали свое решение этой дилеммы. Профессор университета Шанявского Б.И. Сыромятников, например, отмечал: «Как “университет”, он имеет в виду распространение высшего научного знания, т. е. сообщает своим слушателям основные выводы так называемых “предметов университетского преподавания”, как университет “народный”, доступный для всех без различия пола, вероисповедания, какого-либо ценза, он имеет в виду сделать доступным пониманию каждого и прежде всего, конечно, лиц, лишенных всякого систематического, хотя бы и самого элементарного образования, научное знание, как элемент общего образования. При этом народный университет, естественно, имеет дело со взрослым населением, не связывая в указанных границах возрастной ценз никаким пределом» (с. 51).

В.А. Герд, преподаватель народного университета им. Л.И. Лутугина, 15 октября 1916 г. на открытии научно-популярного отделения подчеркивал: «Научно-популярный отдел народного университета ставит себе ту же цель — вооружить своих слушателей знанием, которое даст им верную путеводную нить и поможет самостоятельно разобраться в сложных вопросах общественной и политической жизни страны» (с. 107).

Если система и форма академических исследований, проводившихся в народных университетах, не была воспринята при организации науки после революции, то опыт просветительских, научно-популярных отделений был востребован почти

¹⁰ Данин Д. Жажда ясности. Что же такое научно-художественная литература? // Данин Д.С. Избранное. М.: Советский писатель, 1984. С. 468.

сразу. Как отмечает Р.А. Фандо: «Научно-популярные лекции и занятия, которые проходили в народных университетах Российской империи, были важной ступенью на пути к освоению основ научных знаний на специализированных курсах. Фактически они были прообразами созданных в 1919 г. рабфаков» (с. 160). Правда, Р.А. Фандо при этом напоминает: «Если сравнивать научно-популярное отделение Университета Шанявского и первые рабфаки, то новые подготовительные курсы не имели четкой структуры, соответствующих программ, необходимых помещений, оборудования и учебной литературы. Также они отличались, не в пользу рабфаков, уровнем подготовки и мотивацией учебной деятельности слушателей» (с. 271).

И здесь нельзя не подчеркнуть, что с такой полнотой и в таком систематическом виде, как это сделано в рецензируемой монографии, целая сеть негосударственной системы популяризации научных знаний в России в начале XX в. представлена впервые.

Наконец, еще один важный аспект рецензируемой монографии, который хотелось бы отметить. Он касается системы управления — внутреннего и внешнего — народными университетами и в целом институализации этой формы просветительской, образовательной и научной работы. Этой теме посвящена глава «Организационное устройство, профессорско-преподавательский и студенческий состав народных университетов». Кропотливая архивная работа позволила автору собрать и обобщить чрезвычайно интересный социологический материал. Особый интерес представляет анализ состава студентов университета им. А.Л. Шанявского. Эти социологические исследования проводили сами студенты университета. Причем социологический анализ проводился по нескольким срезам: возраст, пол, образовательный уровень, профессиональная подготовка, материальное положение. Так, например, на академическом отделении «около половины государственных служащих и лиц без определенных профессий шли на полные циклы для получения законченного высшего образования. В то время как учителя и учащиеся выбирали только отдельные предметы, так как не нуждались в глубоком погружении в ту или иную науку» (с. 136).

Университет Шанявского пользовался таким высоким авторитетом, что на занятия в нем записывались студенты из других вузов, и не только московских. Так, в 1912–1913 гг. среди слушателей МГНУ были 152 студента из Императорского Московского университета, 42 — слушательницы Московских высших женских курсов. А всего учащихся из других высших учебных заведений — 284 (с. 138).

«...Незначительное снижение числа служащих и педагогов среди студентов МГНУ с 1910 по 1913 г. можно объяснить сложностями их дальнейшего трудоустройства без диплома о высшем образовании государственного образца, поэтому прагматический выбор многих молодых людей все-таки падал на Императорские высшие учебные заведения. Тем не менее, устойчивый интерес к частному образованию сохранялся и рос у лиц без определенной профессии и студентов других вузов, так как вариативность и многоплановость лекционных курсов Университета Шанявского в полной мере удовлетворяли их образовательные потребности. <...> Основной целью обучения у “шанявцев” было повышение своего образовательного уровня и возможность проводить научные исследования под руководством “крупных” ученых. Поэтому среди студентов наравне с выпускниками гимназий и реальных училищ можно было встретить людей с высшим и незаконченным высшим образованием» (с. 136).

Можно заметить, что проблема легитимации образования и сегодня остается одной из основных в функционировании частных высших учебных заведений в России. А в начале XX в. учащиеся делали выбор в пользу негосударственного высшего учебного заведения благодаря вариативности обучения и очень сильному профессорско-преподавательскому составу университета. И эти факторы перевешивали то обстоятельство, что университет ставил своей задачей «распространение высшего образования, не обеспечиваемого “правами” <...> без диплома о высшем образовании государственного образца» (с. 136). «Слушатели могли получать лишь не имевшие никакого юридического значения удостоверения о прослушании ими таких-то курсов и о выполнении таких-то работ. Но эти удостоверения, не имевшие никакой силы при определении на государственную службу, котировались весьма высоко на бирже частного труда в различных общественных учреждениях и частных предприятиях» (с. 140).

Коллизия — актуальная до сих пор: кто такой ученый — человек, имеющий официально признанные научные степени, или/и человек, имеющий значимые научные труды? Грань действительно тонкая, порой едва уловимая. Эта коллизия, кстати, с особой остротой встает сегодня, когда активно обсуждается проект Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». В контексте разговора о народных университетах начала прошлого века в России любопытно отметить, что, согласно этому законопроекту, «научную деятельность вправе осуществлять любые граждане, научные коллективы, организации независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, в том числе организации, для которых научная и (или) научно-техническая, научно-экспертная деятельность не является основной».

Профессор МГНУ Б.И. Сыромятников, например, сто лет тому назад отмечал: «Не официальный диплом на “звание” ученого, а научные труды, талант, ученое имя — вот единственный критерий для признания “достойного” вступить на кафедру вольного университета. При подобных условиях, в вольной научной школе, которая не только передает научное знание своим абитуриентам, но и самостоятельно разрабатывает науку, не может быть места для дипломированного “ученого” невежества, хотя бы и возведенного в “степень”, но зато в ней никогда не окажется “лишним” подлинный ученый и серьезный исследователь, который так часто оказывается “не ко двору” в официальной государственной школе, вынужденный скитаться далеко за рубежом своей родины. Таким образом свободное признание ученых заслуг — такова основная гарантия научности творческой работы и преподавания в высшей вольной школе» (с. 132).

Вспомним: ни Билл Гейтс, ни Илон Маск, ни Павел Дуров — не имеют ученых степеней; так же как и один из Нобелевских лауреатов по физике Андре Гейм в России был «всего лишь» кандидатом физико-математических наук, а его соавтор по открытию графена, Константин Новоселов, даже и кандидатской степени не получил (3 ноября 2004 г. Новоселов защитил в Манчестере диссертацию на степень PhD). Но любой университет в мире сочтет за честь пригласить этих людей читать лекции или вести курс.

Лишнее подтверждение актуальности фундаментальных научно-исторических исследований...

Private Higher Education in the Russian Empire in Search of Legitimacy

Book Review: Fando R.A. *Narodnyye Universitety Rossiyskoy Imperii: ot Populyarizatsii k Organizatsii Nauki*. M.: Yanus-K, 2020

ANDREY G. VAGANOV

“Nezavisimaya Gazeta”
Moscow, Russia
e-mail: andrewvag@gmail.com

In the monograph under review R.A. Fando thoroughly reconstructed the history of four leading people’s universities of the Russian Empire — in Moscow, Petrograd, Nizhny Novgorod and Tomsk. One of the most important plots of the book is the struggle for institutionalization, for the official recognition of this form of educational activity. In many respects, the “socio-economic scissors” between the rapid industrial development of Russia in the late 19th and early 20th centuries and the acute shortage of staffing for this growth determined the birth and rapid development of such a phenomenon as people’s universities. And more broadly, non-state higher education in Russia. At their best, the people’s universities were precisely educational institutions of higher education. This is evidenced by the fundamental nature of the programs of public universities. First of all, this applies to Shanyavsky University. It turned out to be no less interesting to trace how the traditions of people’s universities were reflected in the activities of Soviet higher education. This is the more relevant because in the past few years in the Russian Federation there has been a reverse trend — the massive closure of private universities.

Keywords: People’s University, non-state higher education, popularization of science, sociology of universities, A.L. Shanyavsky, P.I. Makushin, L.I. Lutugin.